

Националистический дискурс и сетевая культура

Риторика «своих» и «чужих» в публичной политике, прессе и гуманитарной науке | ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

Русский этнический национализм, представляющий собой совокупность коллективных ментальных установок и дискурсивных практик особого рода, активно утверждает себя в современной России. Формирование этого феномена во многом стало результатом нарастания в 1990-е годы «тревожности» группового самосознания его адептов, то есть тех, кто идентифицирует себя с некой воображаемой общностью этнических русских и заявляет об ущемлении их исторических, культурных и политических прав как в России, так и за ее пределами. Русский этнический национализм дает себя знать как в обыденной (бытовая ксенофобия, бытовой расизм, бытовой антисемитизм), так и в общественно-политической (разного рода политические и квазиполитические движения, организации, кампании) жизни¹.

В этой статье рассматривается явление русского этнического национализма преимущественно с дискурсивной точки зрения, то есть анализируются культурные значения базовых слов-концептов, из которых и сконструированы наборы актуальных высказываний на эту тему². Материалом исследования послужили тексты, производимые и обращаемые в российском обществе — в публичной политике, СМИ, социогуманитарной науке, сфере образования.

Базовые знаки-маркеры интересующего нас дискурса свободно перемещаются между областями бытового «говорения» и сферами специализированного знания (философский, религиозный, социогуманитарный, литературно-художественный и другие его виды), создавая или имитируя эффект взаимообогащения, обмена информацией, идеями, понятиями, настроениями.

Если в позднем Советском Союзе этнонациональные ментальные установки занимали маргинальное положение по отношению к официальной доктрине интернационализма, то в наши дни они все активнее вторгаются в идеологический мейнстрим. Рост этнонационализма в период перестройки в союзных республиках, а после распада СССР и в российских автономиях послужил одним из стимулов для пробуждения этноцентристских умонастроений среди тех, кто идентифицирует себя как русские. Первоначально «защитные», «прорусские» общественные настроения со временем — по мере развертывания боевых действий в Чечне, официально представляемых как борьба против этнополитического сепаратизма, — трансформировались в дискурс русского этнонационализма. Его формированию поспособствовали также поиски *национальной идеи*, провозглашенные федеральной властью в середине 1990-х. Благодаря этой инициативе вто-

рое дыхание обрели давние общественные дискуссии о специфике российской истории и российской государственности, об особом месте России в мире ³.

Кроме того, русский этнический национализм нашел питательную среду в официальной доктрине правопреемства Российской Федерации от Советского Союза, подразумевающей сохранение этнополитических принципов государственного строительства и привычной формулы разделения властных функций между Центром и национальными республиками, краями, областями ⁴. Склонность федеральной власти к консервации прежних советских принципов стала особенно заметна на рубеже тысячелетий в связи со второй чеченской войной и стремлением минимизировать риски, заложенные в «параде суверенитетов». Логичным итогом стало построение «вертикали власти» и режима «управляемой демократии». Неудачи либерального реформирования России усугубили опасность дрейфа в сторону «русского проекта» государственного строительства. На эту тенденцию обращает внимание Эмиль Паин: «В постсоветское время произошла смена субъекта этнической активно-

движения и организации), и ныне постепенно перемещается в центр общественно-го сознания и социального действия. Его элементы заметны в приватной и публичной сфере, коллективных представлениях, социокультурной жизни.

Русский этнонационализм в публичной политике и медиакультуре

Разброс в оценках значимости этнонационалистического дискурса для общественно-политической жизни нашей страны весьма широк вплоть до взаимоисключающих точек зрения ⁶. Тем не менее в последние годы в публичной политике проблемы самоопределения постсоветской России и ее государственного строительства все чаще обсуждаются в этнонациональных терминах, а этническое начало доминирует над общегражданским. Отмечена определенная взаимосвязь между укреплением позиций русского этнонационализма в общественном сознании и эволюцией политического режима. Так, Тимур Поляников констатирует: «Русский этнический национализм, жупелом которого СМИ пугали мировую общественность

“Важное место в информационном продвижении дискурса русского этнонационализма на телевидении принадлежит развлекательным шоу”.

сти. В начале 1990-х годов это были представители этнических меньшинств... а с конца последнего десятилетия прошлого века начала расти тревожность русского большинства. Вот ее-то как раз и хотят приспособить в качестве ресурса политической мобилизации» ⁵.

Есть достаточно оснований полагать, что русский этнический национализм уже вышел из маргинального состояния, в котором он пребывал на рубеже 1980–1990-х годов (общество «Память», русские неоязыческие

на протяжении последних 10–15 лет, стал обретать реальные политические контуры в последние 3–4 года... Конструкция “плебисцитарной диктатуры”... требует окончательного разрыва с либерализмом и замены его идеологией другого типа. В существующих же условиях ставка может быть сделана только на идеологию русского этнического национализма» ⁷.

На рубеже 1990–2000-х годов идиомы русского этнонационализма заявляли о себе преимущественно в документах и публич-

ных акциях тех сил, которые позиционировали себя как «национально-патриотические». Спектр таких партий и движений достаточно широк, включая и «левых» (КПРФ и ее «клоны»), и «правых» («Родина», Национально-державная партия России, «Евразия», Военно-державный союз России, «За Русь святую», Объединенная российская партия «Русь»). Располагая значительными материальными и информационными ресурсами, эти и подобные им организации создали объемное сетевое пространство, в котором и формировался дискурс русского этнонационализма. Его «источниками и составными частями» стали:

- бытовые этнические стереотипы и клише бытовой ксенофобии;
- идеологемы политического православия;
- антилиберальные и антизападные установки обыденного сознания;
- антидемократические мобилизационные и милитаристские формулы;
- примордиалистские этнографические понятия расы, этноса, нации;
- базовые концепты «государственнической» историографии и «цивилизационно-ориентированной» историософии, абсолютизирующей российскую самобытность.

Сотни разношерстных партийных, общественно-аналитических, тематических, персональных и анонимных сайтов образуют группы ресурсов — «национально-патриотического», «русского националистического», «славянского», «языческого» и других направлений; эти ресурсы в свою очередь формируют пространство для интерактивных конференций, форумов, чатов. Параллельно с этим нарастала масса этнонационалистических текстов в печатных периодических изданиях.

В последние годы у «национально-патриотических сил» появился серьезный конкурент: русский этнонационалистический дис-

курс был взят на вооружение активистами тех политических партий, общественных организаций и движений, которые начали выстраивать бренд «русского консерватизма» как нового идейно-политического течения и стиля мышления, созвучного государственной *национальной идее* России. Как и национал-патриотические «отцы-основатели» этнонационалистического дискурса, «новые русские консерваторы» противопоставляют свою деятельность «дискредитированному демократическому либерализму»⁸. В основе самоидентификации российских политиков и публицистов с неоконсерватизмом лежит стремление создать себе имидж респектабельного, социально ответственного деятеля, способного предложить государству и обществу «реалистические» пути и способы решения сложных проблем, включая геополитические рекомендации и прогнозы.

Интеллектуалы-активисты «нового русского консерватизма» учитывают ресурсы и возможности сетевой культуры, стремясь к возможно более широкому охвату информационного пространства. Так, информационные ресурсы этого течения, несмотря на доминирование в нем «правого» ядра, открыты для «левых» и даже для «национально-ориентированных либеральных» группировок. Их общим паролем служит приверженность государственной «российско-русской» *национальной идее* (в рамках которой нация рассматривается преимущественно как этническая категория). Информационное пространство «нового русского консерватизма» быстро расширяется за счет включения в него сетевых ресурсов национально-патриотических сил.

Более тщательный анализ интернет-ресурсов, контролируемых «русскими консерваторами», приводит к любопытному выводу: представители различных политических и общественных группировок, которые в

публичной политике позиционируют себя как противостоящие друг другу («Единая Россия», «Родина», КПРФ, Национально-государственная партия России и др.), на самом деле тесно взаимодействуют в информационном пространстве. Из одного сайта в другой переходят и тиражируются одни и те же тексты. В редколлегиях интернет-журналов различной, казалось бы, партийной ориентации состоят одни и те же лица. Характерным примером служат такие интернет-издания, как «Русский журнал», «Золотой лев: Издание русской консервативной мысли» (выросший из журнала Конгресса русских общин «Континент — Россия»), «Спецназ России», а также «православно-аналитический» сайт «Правая.ру».

Сетевая активность «новых консерваторов» проявляется и в дискурсивной деятельности интеллектуалов-фрилансеров, которые формируют в виртуальном пространстве Рунета различные «дочерние предприятия» по производству и продвижению ходового идеологического продукта — этнического национализма *для русских*. Например, публицисты-аналитики Михаил Ремизов и Егор Холмогоров активно сотрудничают в интернет-изданиях «Золотой лев», «Русский журнал», на сайте «Правая.ру», участвуют в работе Консервативного пресс-клуба, консервативного Серафимовского клуба, выступают на радиостанции «Маяк». Холмогоров публикуется также в интернет-журналах «Спецназ России» (где он размещает свои этнонационалистические тексты программного характера), «Церковность» (в создании которого он участвовал), имеет свой блог в «Живом журнале».

В складывание общего дискурсивного пространства русского этнонационализма вносят свою лепту и некоторые специализированные «силовые» и военные периодические издания («Солдат удачи: Журнал для сильных и жестких мужчин», «Братишка:

Ежемесячный журнал подразделений специального назначения» и др.). Большинство из них имеют информационную поддержку в виде соответствующих интернетных ресурсов.

Для профессиональных «защитников русского народа» значимость трансляции этнонационалистического дискурса медийно-информационными средствами вполне очевидна. Так, Иван Демидов, ведущий телевизионной программы «Русский взгляд», наследующей программе «Русский дом», разъясняя актуальность такого дискурса и успешность его продвижения медийными средствами, заявляет: «Люди устали от смутного времени, когда рухнуло все старое — и все мы оказались в совершенно новой среде... Поэтому был возврат — не будем бояться этого слова — к патриотизму, возврат к вопросу о том, что такое Россия и кто такие русские. Он, как мне кажется, наиболее сейчас актуален, что показывают и рейтинги программы, которую мы делаем, и вся политическая обстановка. Я не сильно опасаюсь, что сейчас в эту сторону будет перегибаться палка, потому что до того ее слишком перегнули в другую, западную, сторону»⁹.

Аналогичные высказывания можно встретить в периодическом издании «Русский дом: Журнал для тех, кто любит Россию», представляющем один из самых крупных медийных ресурсов партии «Родина». К примеру, в статье «Мы — казаки» читаем: «...Сама Россия сегодня не призрак ли? Не превратилась ли она в одно гигантское “Дикое поле”, по которому рыщут разбойные шайки инородцев и одичавших “потомков православных”? Что же делать казакам? Только одно — вновь учиться защищать себя, свою веру и свою Родину как можно активнее, всеми доступными способами, и в первую очередь информационными... Сейчас настоящим полем боя для нас должны стать умы людей и их души... Плох тот атаман, который еще не имеет сво-

его сайта в Интернете, не стремится как можно чаще выступать на радио и телевидении (в первую очередь местном), выпустить свою газету, увеличивать охват казачьим, воинским, православным воспитанием призывников, подростков и детей... и всеми мерами развивать, сберегая нашу культуру, финансируя фольклорные коллективы, теле- и радиопередачи, книги, журналы, календари, кино- и видеофильмы. На информацию и пропаганду должны быть брошены ныне основные и человеческие, и финансовые ресурсы... Наш долг — просвещать, организовывать и вести людей к единству в истинной вере, Православию. Она одна может спасти самобытную российскую государственность, удержать русский народ в поле национальной культурной традиции»¹⁰.

В создании этнонационалистического дискурса и его распространении немалая роль принадлежит основным каналам российского телевидения. В новостных передачах, в информационно-аналитических программах (например, «Постскриптум» Алексея Пушкова и «Момент истины» Андрея Караулова), в ток-шоу («Народ хочет знать», «К барьеру»), «милицейских» и «спецназовских» сериалах, криминальных телерепортажах телеканалы транслируют жесткие формульные «истории» об угрозах для России со стороны «лиц кавказской национальности», этнических мигрантов, «евреев» (с некоторых пор публичное обсуждение последней темы идет в русле рассуждений об угрозе со стороны «еврейского олигархического капитала»).

Важное место в информационном продвижении дискурса русского этнонационализма на телевидении принадлежит развлекательным шоу, в особенности тематическим официозным праздничным концертам (посвященным МВД, МЧС, ФСБ, пограничным войскам и проч.). Свой вклад в разрастание информационного пространства русско-

го этнонационализма вносят также коммерческий кинематограф и массовая литература: военные и криминальные боевики, детективы, в которых не только закрепляются формульные образы этнических «врагов» и «злодеев», но и утверждается правомерность ответного насилия как законного средства защиты от этнической и этнорелигиозной опасности (со стороны «кавказцев», «чеченцев», «исламистов»).

Дискурс русского этнонационализма в академическом знании и в образовании

В российской публичной политике, публицистике и массмедиа используются готовые дискурсивные формулы этнонационализма. Собственная способность этих сфер к производству новых дискурсивных элементов невелика. Да и к тому же любая рефлексия в процессе продвижения этнонационалистического информационно-медийного продукта в массовую аудиторию выглядит излишней и даже вредной для его успешного потребления.

Источник, из которого русский этнический национализм активно черпает концептуальное обеспечение для своих построений, — это интеллектуальный потенциал отечественной этносоциологии, этнополитологии, этнопсихологии — академических дисциплин, которые стали оформляться и утверждать себя в сложных контекстах социально-политической жизни России конца 1980-х — 1990-х годов. Другим важным генератором этнонационалистического дискурса служат некоторые подходы и концепции современной российской историософии и историографии.

Стоит напомнить, что в годы перестройки и затем становления новой российской государственности такие области социально-гуманитарного знания, как философия, социология, политология, этнология

(этнография), историография, переживали острый мировоззренческий, теоретико-методологический и терминологический кризис. Некоторые из этих областей к началу 1990-х едва вышли из эмбрионального состояния, другие, напротив, утратили свой прежний статус, связанный с властно-идеологическими функциями. Как бы то ни было, но в течение последующего десятилетия всем им пришлось адаптироваться к новой реальности.

К сожалению, в процессе постсоветской трансформации этих дисциплин они претерпели ряд негативных мутаций. Одна из них — размывание строго научных критериев знания, что выразилось в экспансии в исследовательскую практику процедур обыденного мышления, нерелексивного использования научно сомнительных объяснительных

поиску *национальной идеи* в рамках мифологизированной *непрерывной национально-государственной истории* был воспринят многими учеными-гуманитариями как путь к преодолению мировоззренческих и понятийных трудностей. В подобных построениях им почудилась возможность ограничить влияние либерально-демократических, «западнических» версий теории «эшелонной» модернизации и более активно противостоять разного рода вариациям на тему «региональных» и «этнокультурных» историй.

Особенно заметна экспансия русско-го этнонационалистического дискурса в область историософии, которая переживает настоящий бум в постсоветский период. Важным стимулом для производства историософских текстов является непрекраща-

“В текстах учебников отечественная история предстает как мифологизированная историческая драма русского народа”.

схем и даже традиционалистских мифологем. Попытки преодолеть жесткую марксистскую заидеологизированность и теоретическую схоластику в философии и социально-гуманитарных науках породили крен в противоположную сторону — к публицистичности и поверхностной эссеистике. При том, что укорененные в академическом научном сознании советского периода объективистские схемы и эссенциалистские категории во многом остались непоколебленными.

Трудности качественного преобразования структуры и содержания академического знания в России вкупе с провалом планов ускоренного реформирования государства и общества на демократических началах способствовали укреплению национально-охранительной тенденции, которая стала господствовать в общем и профессиональном образовании. Призыв государственной власти к

ющаяся общественная полемика о месте России в мире, в ходе которой все большее признание получает представление о *цивилизационной специфике России*¹¹. В массиве историософских текстов можно обнаружить высказывания различной идейно-политической направленности — от нелиберальной миросистемности до неотрадиционалистского изоляционизма. Однако границы между направлениями оказываются размытыми, поскольку авторы используют общие дискурсивные стратегии, а это во многом нивелирует идеологическую разнонаправленность их суждений. Они, как правило, оперируют неотрефлексированными внеисторическими понятиями (*Россия, Запад, Восток, Азия, Европа*), которые приобретают вид своеобразных символов, и прибегают к антропоморфным, органицистским, биологическим метафорам¹². В результате историософские

тексты (особенно в их традиционалистских почвеннических версиях) становятся мощным ресурсом для продуцирования русского этнонационализма.

Построения новой историософии претендуют на академическую нормативность и одновременно стремятся взять на себя властные функции в сферах общественного сознания и образования. Они имеют сильную опору в коллективных представлениях и сами их подпитывают, попутно провоцируя в локальных сообществах российских регионов ответные националистические настроения. Одним из результатов распространения историософских взглядов является крепнущая тенденция к возвышению «истинно русского» компонента в неотрационалистских версиях российской истории¹³.

Критически рассматривая состояние научной и учебной исторической литературы рубежа 1990-х — начала 2000-х годов, Геннадий Бордюгов и Владимир Бухараев констатируют: «Формируется устойчивая линия новейшей историографии, представляющая собой инвариант великорусской традиции, той же позиции “старшего брата” в “семье народов”... Это направление... ориентируется на консервативную российскую идеологию, с позиций которой патриотическая идея трактуется “в откровенно националистическом ключе”... Современную историографическую ситуацию отличает явное усиление этноцентризма — исследовательского подхода, для которого характерна сочувственная фиксация черт своей этнической группы вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического сознания»¹⁴.

В учебных текстах по истории России историософские константы служат своего рода «навигационными инструментами», с помощью которых произвольно отобранные исторические события встраиваются в телеологическую версию отечествен-

ной истории. Российская история в конечном счете предстает как мифологизированная историческая драма русского народа, как повествование о его величии и унижении, о его героизме в вечной борьбе с врагами, которые постоянно угрожают самому его существованию.

Конструкции дискурса русского этнонационализма

Успешное распространение русского этнонационалистического дискурса в обществе в большой мере обязано простоте его базовых концептов и «пустоте» формульных оснований, которые легко поддаются конструированию, символизации, культурному означиванию. Внешняя жесткость и определенность базовых конструктов дискурса не служат препятствием для его многообразной инструментализации. Это объясняется принципиальной нерелексивностью концептов и высказываний, его образующих. В основу дискурса положена идея объективного знания, исходящего из здравого смысла и обыденного опыта («всем давно известно, что...», «все знают, что...»).

Главные структурообразующие единицы дискурса — «мы» (русские) и «они» (инородцы, «кавказцы», мигранты, либералы-демократы, олигархи, Запад, США, внешние и внутренние враги). Этнокультурная доминанта противопоставления «мы — они» выражает себя в стереотипах бинарных оппозиций, призванных подтвердить уникальность и высшую значимость «наших основ»: истории, территории, языка, культуры, ценностей и психологических установок.

Сопоставляя дискурс, характерный для бумажной «авторской» и сетевой (интернет-издания, тематические и личные сайты, форумы) публицистики, с дискурсом русских этнонационалистов-«интеллектуалов» (политологи, социологи, философы, историки, литераторы), легко обнаруживаешь прин-

ципиальное сходство этих на первый взгляд несопоставимых разножанровых и разноуровневых продуктов.

Опорными знаками-маркерами в русском этнонационалистическом дискурсе служат такие ключевые слова, как:

- русские, русский народ, русская нация;
- русский суперэтнос;
- чужой, инородец, «кавказец»;
- враги: либералы-демократы, нерусские олигархи, террористы, Запад, США;
- русский коллективизм (соборность), славянская общность;
- русская православная общность, православная духовность, мессианская роль православия в мире;
- культурная самобытность России, русская цивилизация, особый путь России;
- русская (российская) держава, сильная государственная власть, порядок;
- всеобщая мобилизация сил русской нации, отпор врагам и защита от врагов.

Общность дискурса русского этнонационализма в бытовом, политическом и академическом языке задана прямолинейным, недифференцированным применением слов, значения которых формировались в конкретных контекстах культуры Нового времени при выработке идеологии национального государства (в рамках которой, например, слово *нация* трактовалось главным образом как категория гражданская, а не этническая). Понятия *цивилизация*, *этнос*, *народ*, *народный дух* тоже имеют конкретную историческую этимологию. Однако в «национально-ориентированных» историософии и историографии диапазон их культурных значений и границы применения, как правило, не обсуждаются. Для этнонационалистов эти понятия не требуют проверки на истинность. Отсюда та легкость перехода с бытового языка на язык политики и академической науки и обратно, которая характерна для этнонационалистического дискурса.

Особо следует отметить, что ключевое слово *национализм*, присутствующее в самоназваниях и самоописаниях, полностью реабилитируется и возвышается в дискурсе этнонационалистов, занимая место рядом со словом *патриотизм*. Нередко они выглядят синонимичными.

Остановлюсь на значениях некоторых базовых слов-концептов, которые выполняют роль «скрепы» в когнитивной матрице русского этнонационализма. При этом попытаюсь их формально уравнивать, «вынув» из определенного жанра и типа письма.

Русские как этнос, народ, нация

Опорные слова дискурса русского этнонационализма — *этнос*, *народ*, *нация* в том смысле, в каком они понимаются в примордиалистской этнологии, «национально-ориентированных» историософии и историографии.

Этнос и *народ* обычно употребляются как синонимы, означая «устойчивую общность людей с присущими ей культурно-психологическими признаками, языком и сознанием», и (или) как «совокупность социальных и этнических групп, имеющих общую историческую судьбу»¹⁵. В любом случае в академических текстах они нагружены преимущественно генетическим и социобиологическим смыслом.

Этнические русские как *народ* описываются в историософии и историографии посредством удревления *этноса* и в связке с генезисом русского государства. Опорными знаками-маркерами коллективной памяти и одновременно нормативными единицами знания, призванными утверждать аутентичность исторического происхождения *русских* и специфику формирования Российского государства, служат такие концептуальные конструкции, как: *древнерусская народность*, *Древнерусская держава с центром в Киеве*, *древнерусская цивилизация*, *восточнославянское общество*, *славянская цивилизация*. Данные концеп-

ты играют важнейшую роль при конструировании ранней российской истории в учебных текстах, например в университетском учебном пособии под редакцией А.Н. Сахарова¹⁶.

Слово *нация* тоже используется в «национально-ориентированных» академических текстах в этнокультурном значении, хотя авторам известно и ее другое — гражданско-политическое — значение. В них постоянно проводится мысль о том, что современная Россия «не готова» принять в качестве основного принципа государственного строительства идею «политической нации» с главенством правовых норм и приоритетом гражданских свобод. Стандартное обоснование этого тезиса выглядит следующим образом: «Нация — понятие, употребляемое как в этнокультурном, так и в гражданско-поли-

этнических русских. Отсюда следует утверждение, будто специфику российской (русской) истории всегда определяли «голос крови» и «кровное родство» *русских (славян)*, к которым на основе добровольной ассимиляции присоединялись *другие этносы*. Например, в университетском учебном пособии Евгения Троицкого «Этнополитология» утверждается тезис о «громадной значимости интегрирующего фактора кровного родства» *русского народа* для выживания русского государства и сохранения славянской цивилизации¹⁸.

Эта позиция находит поддержку и развивается в политических текстах «русских консерваторов». Так, Егор Холмогоров обосновывает тезис о русской нации следующим образом: «Россия — это страна русских, так что русская политическая нация образует-

“Успешное распространение русского этнонационалистического дискурса в обществе в большой мере обязано простоте его базовых концептов”.

тическом смысле... Что касается Российской Федерации и ряда других стран, где гражданское общество находится в процессе становления, а этническое сознание во многом сильнее, чем сознание принадлежности к общему государству, распространение на население понятия “политическая нация”, по-видимому, является задачей будущего, так как в нынешних условиях оно может быть истолковано в духе национального нигилизма, забвения полиэтнического характера общества и последующего свертывания национальной государственности...»¹⁷.

В академической социально-гуманитарной литературе распространена «сущностная» трактовка *этнокультурной нации*, которая активно используется для государственного нациестроительства в современной России. К примеру, в ряде текстов последовательно проводится мысль об абсолютном преобладании в истории Российского государства

ся на базе русского этноса. С исчезновением или подрывом в жизни России русского начала сама Россия как страна прекратит свое существование... С ослаблением русских рассыплется и русская нация, с исчезновением нации станут невозможны ни государство, ни Империя»¹⁹.

Та же мысль прослеживается в высказываниях Александра Ципко: «Сейчас мы являемся свидетелями уникального явления в русской истории последних веков: русские начинают осознавать себя как нация, как единство по крови. На наших глазах происходит углубление этнического, племенного сознания. Появление того, что можно назвать “биологическим” национализмом... На место имперского национального сознания приходит этническое, русское национальное сознание»²⁰.

В учебном пособии для высшей школы «Россиеведение» (автор Виктор Шаповалов),

в котором формально декларируются приоритеты либерализма, концепт *народ России* также наделяется сверхценными *органическими* атрибутами. Автор этого текста стремится выявить взаимосвязи между *народом*, общероссийским *национальным (народным) характером* и *душой, культурным духом* России. При этом метафора *общей российской души* наделяется сущностными признаками: «Помимо специфических национальных характеров, должна существовать душа России, общая для всех населяющих ее народов, так же как существует американская душа, общая для американцев различного происхождения... С учетом [общих базовых] правил и ценностей и создается то, что можно назвать «общероссийским духом», «душой России», «общероссийским национальным характером»»²¹.

Чужие, враги, ксенофобия

Концепты *чужие* и *враги* составляют важнейшую часть дискурса русского этнонационализма. Если в академических текстах они присутствуют либо в обобщенном, «стертом» виде (бездуховный материалистический Запад; католицизм и протестантизм), либо в виде конкретных политических или военных противников России, то в националистической публицистике и массмедийных продуктах *чужие* и *враги* наделяются чертами вполне конкретных антигероев со всеми их этностереотипными атрибутами. При этом происходит обязательное «снижение» образов «чужих» и возвышение автостереотипов. Суждения об опасности этнически «чужих» для «русских» вписываются в более широкие дискурсивные рамки «мирового заговора», будто бы организованного «Западом» против России. В поисках примеров можно заглянуть в журнал «Русский дом», где подобные клише являются общим местом: «Сегодня мы все пожинаем плоды невиданного по своим масштабам разруше-

ния и разрушения русского суперэтноса, создавшего за тысячелетие огромное государство, в котором уживались и развивались многие народы. Этнотерроризм стал орудием мирового правительства в деле уничтожения национальных и культурных особенностей народов мира»²².

Симптоматично принципиальное родство бытовых дискурсивных практик с дискурсом этнонационалистической публицистики. Так, Ципко, поддерживая идею возможной легитимации русского этнонационализма в неоконсерватизме, приводит следующие доводы: «Пресса у нас до сих пор контролируется тем, что можно назвать нерусским капиталом. И потому у нас многие каналы телевидения (конечно, не все) откровенно работают на разрушение даже нынешних, слабых опор национального самосознания. На наше телевидение крайне дозированно допускаются люди с более или менее окрашенным русским сознанием. Очень часты попытки дискредитации русских побед, русских героев и вообще русской истории... И совсем не случайно все эти годы среди этнической русской — особенно провинциальной — интеллигенции актуально требование создания «русского канала». Я рискну утверждать, что культурная политика «демократов», ее во многих отношениях нерусский характер куда больше спровоцировали нынешнее недовольство у «большинства», чем утрата «общего дела»... Русские чувствуют себя чужими на рынках русских городов, где вся торговля, и не только овощами, находится в руках азербайджанцев, выходцев из Закавказья... Все реальное торговое пространство занято, захвачено. И здесь, на мой взгляд, коренится одна из главных причин нынешней этнической напряженности в России»²³.

Холмогоров в «Азбуке национализма» обосновывает «естественность» неприятия «чужих» морально-философскими доводами: «Нам надо ненавидеть, если мы хотим

любить... Русский человек — здоровый националист от природы, он “стихийный националист”, но тем труднее ему оказалось разработать “рефлексивные” идеологические формы и формулы национализма, поскольку ради этого формулирования приходится проговаривать вещи очевидные и не подлежащие в приличном обществе проговариванию... Ксенофобия является естественной основой поведения большинства цивилизованных наций мира. Не допускать к власти и собственности чужаков. Править самим. Если можешь — расширяться, если не можешь — обороняться»²⁴.

В приведенном пассаже интересно наблюдать, как автор сознательно ресемантизирует слова, которые «в приличном обществе не подлежат проговариванию»: *ненависть, реакция, реакционер, ксенофобия*. Игра с ними позволяет ему расширить поле культурных значений, формообразующих для русского этнонационализма. Идея о том, что «все позволено» думать и говорить, а на этом основании и действовать, выглядит для читателей — потребителей такого рода медийной продукции привлекательной.

Выживание русских, защита, война

Высказывания об извечной борьбе русского народа против внешних и внутренних супостатов в ходе «собираания земель вокруг единого стабильного центра» или в процессе формирования и развития сильного государства увязываются в этнонационалистическом дискурсе с тезисами о необходимости *коллективного выживания русского народа, мобилизации* его сил и ресурсов.

В публицистике (журнал «Русский дом») тема «национального пробуждения русского народа» трансформируется в следующую программу «защитных» коллективных действий: «Мы должны сейчас отбросить все разногласия, личные амбиции, взаимные обиды, а также страх перед иудеями и высту-

пить единым фронтом. И это будет поистине великая сила, страшная для всех христоненавистников и русофобов — врагов нашего Отечества... Мы не призываем к борьбе против какого-либо народа, мы говорим о борьбе против преступной “этнически однородной” элиты, относящейся ко всем людям как к стаду человекоподобных скотов, которых можно и нужно духовно и физически уничтожить... Насаждаемый ныне сионизмом “новый мировой порядок”, возглавляемый сиономасонским “мировым правительством”, ведет к разрушению суверенных национальных государств, к смешению религий, к унификации человеческого поведения и сознания, к американизации образа жизни»²⁵.

При такой постановке вопроса этнический (русский) и религиозный (православный) национализм полностью отождествляются с государственным («державным») национализмом.

Во многих текстах русских этнонационалистов обыгрывается правомерность использования слова *война* для определения характера активного сопротивления или «прямых действий» русских. Активист партии «Родина» и постоянный автор журнала «Русский дом» Андрей Савельев высказывается на этот счет так: «Для будущего России и всего русского мира важно понимание того, что война не просто будет — война уже идет. Точнее, война не прекращалась никогда. Просто мы иногда не знали о ней, иногда старались ее не замечать... Перспектива выживания русского мира, русской православной цивилизации связана с воссоединительным процессом, который не может идти безболезненно... Опасность войны связана с агрессивными, “пантюкистскими” планами, уже в значительной степени затронувшими весь Северный Кавказ, Татарию, Башкирию и другие “внутренние республики” России. Если в ответ не возникнет сверхмобилизация

русского населения как государствообразующего ядра, нас ждет затяжная война на собственной территории... Победа — это Русская идея, зажигающая сердца горячей любовью к Родине... Хочешь мира — готовься к войне»²⁶.

Та же стратегия расширения лексикона этнонационализма прослеживается в тексте Александра Дугина «Философия войны»: «Тьмы народов и народцев, культур и культур бросили нам, русским, смертельный вызов. Запад как цивилизация отказывает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от него цивилизацией, — и это война. Наши бывшие братья по единому государству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб — и это война. Западные соседи, поощряемые атлантистским могуществом, угрожающе потрясают нас хилыми рыжими кулачками, — и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы — и это война»²⁷.

Национальная идея новой России как Русская идея

«Россия для русских!» — этот лозунг вполне соответствует пониманию русскими этнонационалистами содержания *национальной идеи* для новой России. В ее праворадикальной версии государственная *национальная идея* как идея возвращения к традиционным устоям сформулирована в журнале «Русский дом»: «России нужна национальная идея, осознание особой миссии нашей страны. Нашей национальной стратегией должна быть державная идеология... Православие, Самодержавие, Народность — вот какой должна быть наша государственная идеология»²⁸.

Троицкий в учебном тексте «Этнополитология» предлагает «перестроить Русскую национальную идею, наполнив ее расовым содержанием, а будущее Русское государство возродить на принципах чисто-

ты крови и евгенической политики». Он разделяет мнение одного из демографов национально-патриотического направления о необходимости «ограниченного учета опыта» германских нацистов, который демонстрирует «большой успех этнонационально-ориентированной демографической политики и в теоретическом, и в прикладном плане»²⁹.

В свою очередь содержанием *Русской идеи* озаботились и авторы учебного пособия «Отечественное» (руководитель проекта Игорь Чубайс), претендующие на создание «либерально-консервативной» версии истории российской государственности: «...Мы определили глубинные устойчивые правила нашей жизни — русскую идею. Человеческая ментальность и специфика хозяйственного уклада выражаются понятием *общинный коллективизм*. Главное в народно-государственной стратегии — *собираение земель*, постоянный количественный рост страны. Специфика духовного склада общества выражена в *православном христианстве*. Определив и описав русскую идею, мы получили инструмент для исследования глубинных социальных изменений в обществе»³⁰. А поскольку «в многонародном государстве самоидентификация и сплочение граждан осуществляются через единую общенациональную идею и единую территорию» и «именно русский народ начал выполнять историческую миссию формирования государства», то *Русская идея* должна стать общенациональной. Необходимость принятия «народно-государственной» *Русской идеи* артикулируется как условие воспитания в обществе государственного патриотизма и обеспечения достойного места России в современном мире.

Усилия легитимизировать *Русскую идею*, предпринимаемые в академической литературе, хотя бы того или нет соответствующие авторы, работает на укрепление позиций русского этнонационализма в обществе.

Отвечая на вызовы русского этнонационализма

К сожалению, усиленное тиражирование в учебной литературе «национально-патриотических» установок, которые проникают в нее вместе с историософскими построениями, пока мало обсуждается в университетской среде. Одно из немногих исключений — учебник «История России» (под редакцией Любови Семенниковой). Однако его авторы, критически подходя к этнонационалистическому дискурсу, строят свою систему доказательств опять-таки на эссенциалистских этнокультурных аргументах: «Тактика “перехвата” русской патриотической идеи, пропагандируемая некоторыми либералами, исходит из боязни потерять базу поддержки — она состоит в основном из русских... Создавая демократическую государственность, нельзя не учитывать, что в ее составе не только русские, но и многие другие народы, которые имеют древнюю самобытную культуру и традиции... Россия никогда не была национальным государством и никогда не сможет им быть. Современные концепции превра-

но с реально «существующим» российским суперэтносом, который, на его взгляд, может стать «базой для формирования гражданского общества», поскольку «обычаи и ценности российского суперэтноса включают наследие всех предыдущих эпох»³². Эта позиция представляет собой дискурсивный гибрид, в котором концепт гражданской нации совмещается с концептом этнической нации, а гибриды такого рода только содействуют дальнейшему распространению дискурсивных практик этнического национализма.

В последнее время в текстах ряда либеральных аналитиков можно встретить суждения о том, что национализм в современной России целесообразно полностью очистить от разрушительного этнического компонента и перевести в позитивное гражданско-политическое русло³³, однако до конкретных рецептов дело, как правило, не доходит. Так, Сергей Маркедонов, имея в виду различные читательские аудитории, использует для каждой из них особую дискурсивную стратегию. Вместе с тем автор не устает предостерегать, что «либо российские либера-

“Этнические русские как народ описываются посредством удревнения этноса и в связке с генезисом русского государства”.

ция России в национальное государство, утверждения русской национальной идеи — безумие»³¹.

Более сложная позиция, совмещающая гражданский национализм с доминантной ролью примордиалистски понимаемого *российского суперэтноса*, представлена точкой зрения Александра Погорельского (фонд «Территория будущего»). Он считает необходимым отделить этничность от государственности, «приватизировать» ее в процессе реформирования национально-государственного устройства России. Однако свои надежды на будущее автор связывает преимуществен-

но с реально «существующим» российским суперэтносом, который, на его взгляд, может стать «базой для формирования гражданского общества», поскольку «обычаи и ценности российского суперэтноса включают наследие всех предыдущих эпох»³². Эта позиция представляет собой дискурсивный гибрид, в котором концепт гражданской нации совмещается с концептом этнической нации, а гибриды такого рода только содействуют дальнейшему распространению дискурсивных практик этнического национализма.

В последнее время в текстах ряда либеральных аналитиков можно встретить суждения о том, что национализм в современной России целесообразно полностью очистить от разрушительного этнического компонента и перевести в позитивное гражданско-политическое русло³³, однако до конкретных рецептов дело, как правило, не доходит. Так, Сергей Маркедонов, имея в виду различные читательские аудитории, использует для каждой из них особую дискурсивную стратегию. Вместе с тем автор не устает предостерегать, что «либо российские либера-

нение всех граждан страны, а не отдельных этнических групп»³⁴.

Большинство академических ученых, исследующих проблемы этнического национализма, сознают научную непродуктивность и даже опасность эссенциалистских и примордиалистских объяснительных схем. Они видят потенциал преодоления идеологических соблазнов русского этнонационализма прежде всего в переосмыслении привычных нерелективных базовых понятий, составляющих этнонационалистический дискурс в публичной политике, медиакультуре и бытовом общении³⁵. Однако и в этом вопросе нет единства. Одни призывают вообще отказаться от «скомпрометировавших себя» слов. Возражения их оппонентов сводятся к тому, что такие слова — часть узуса и выражают обыденные коллективные представления. Поэтому, если полностью отбросить базовые концепты, используемые в этносоцио-

логии, историографии и этнонационалистическом политическом дискурсе, то успешная коммуникация с обществом окажется невозможной. Третьи видят выход из сложившейся ситуации в ресемантизации или, по меньшей мере, в идеологической нейтрализации культурных значений базовых слов. В любом случае речь идет о культурно-семантической переориентации дискурсивных стратегий, актуальных для различных групп российского общества. Решить эту задачу в ближайшей перспективе по многим причинам нереально. Тем более что академический экспертный анализ и основанные на нем прогнозы, указывающие на возрастание роли этнонационализма в современной российской жизни³⁶, остаются практически невостребованными ни федеральной властью, ни общественно-политическими партиями, группами и движениями, не говоря уже о влиятельных производителях медиапродуктов. ■

Примечания ¹ См. об этом подробнее:

Русские. Этносоциологические очерки / Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992; *Шнифельман В.А.* Неоязычество и национализм: Восточно-европейский ареал. М., 1998; *Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В.* Политическая ксенофобия. М., 1999; *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова и др. СПб., 2002; *Социальные неравенства этнических групп: Представления и реальность* / Отв. ред. Л.М. Дробужева. М., 2002; *Паин Э.А.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003; *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность: Статьи 1997–2002. М., 2004; *Он же.* Массовая идентичность и институциональное насилие: Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1 (67). С. 28–44.

² Среди немногочисленных опытов дискурсного анализа русского этнонационализма см. статьи В. Сухачева на эту тему на сайте www.anthropology.ru/

³ См., например: *Западники* и националисты: возможен ли диалог? // Материалы дискуссии фонда «Либеральная миссия». М., 2003.

⁴ Подробнее об этом см.: *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских: Социологический очерк. М., 1996; *Паин Э.А.* Указ. соч.; *Левада Ю.А.* Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1 (69). С. 18–25.

⁵ *Паин Э.* В России огромный ресурс этнической ненависти // <http://www.peoples.ru/science/professor/pain/>

⁶ Так, Игорь Чернышевский сравнивает разговоры о русском национализме с диалогами в пьесе Самюэла Беккета «В ожидании Годо». По его мнению, «факт остается фактом: русского национализма ни как массового движения, ни даже как массового настроения нет. Первые очень робкие движения массового “национального чувства”... пока еще “не зацепились” за националистический миф. Есть недовольство, есть обида, есть фрустрация и унижение. Есть националисты. Национализма — нет, и, кажется, в ближайшее время его появле-

ние не предвидится» (*Чернышевский И.* Русский национализм: несостоявшееся пришествие // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). www.strana-oz.ru/). Сходную мысль высказывает Дмитрий Тренин, утверждая, что «этнический русский национализм остается мировоззрением меньшинства: у русских долгая имперская традиция, которая исключает или значительно смягчает узкий этнический национализм...» (*Тренин Д.* Конец Евразии: Россия на границе между геополитикой и глобализацией // <http://www.carnegie.ru/pubs/>). Сергей Маркедонов, напротив, полагает, что русский этнический национализм активно востребуется различными группами российского общества и составляет определенную угрозу российскому гражданскому национальному строительству (см.: *Маркедонов С.* Последний шанс либералов // www.prognosis.ru/ 5/3/2005).

⁷ *Поляничков Т.Л.* Витязь на распутье: Россия между империей и государством-нацией // www.whoiswho.ru/russian/

⁸ Об этом явлении в российском обществе и его институциональных модификациях уже немало написано. См., например: *Верховский А.* Серафимовский клуб: Романтика либерального консерватизма // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 5 (37). С. 26–35; *Кожневникова Г.* «Путинский призыв»: Идеологи или миротворцы? // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 5 (37). С. 43–48.

⁹ Беседа с ведущим телепрограммы «Русский взгляд» Иваном Демидовым (см.: журнал «Фома». 10.09.2004. <http://www.fomaenter.ru/>).

¹⁰ *Мы – казаки* // Русский дом: Журнал для тех, кто любит Россию. 2005. № 7.

¹¹ *Ахизер А.С.* Россия: Критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991; *Дугин А.Г.* Основы геополитики: Мыслить пространством. М., 2000; *Он же.* Эволюция национальной идеи Руси (России) // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). С. 125–140; *Ильин В.В., Ахизер А.С.* Российская цивилизация: Содержание, границы, возможности. М., 2000; *Кантор В.К.* «Есть европейская держава». Россия: Трудный путь к цивилизации: Историко-социологические очерки. М., 1997; *Он же.* Русский европеец как явление культуры: Философско-исторический анализ. М., 2001; *Можайскова И.В.* Духовный образ русской цивилизации и судьба России: Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. М., 2002; *Панафин А.С.* Православная цивилизация в гло-

бальном мире. М., 2002; *Он же.* Россия на крутых поворотах истории. М., 1999; *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1992; *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: К 70-летию М.П. Мчедлова.* М., 1998; *Расовый смысл русской идеи.* Вып. 1. М., 2000.; *Русская нация: Историческое прошлое и проблемы возрождения: Сб. статей / Сост. Е.С. Троицкий.* М., 1995; *Русский фронт: Сб. статей о русском этносе и цивилизации / Под ред. М. Любомудрова.* СПб., 1998; *Цымбурский В.Л.* Россия – земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. М., 2000; *Чубайс И.Б.* От Русской идеи – к идее Новой России. М., 1996; *Яковенко И.Г.* Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

¹² Подробнее об этом см.: *Зверева Г.И.* Цивилизационная специфика России: Дискурсивный анализ новой «историософии» // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 98–112.

¹³ См. например: *Русская нация: Историческое прошлое и проблемы возрождения.* М., 1995; *Платонов О.А.* Терновый венец России: История русского народа в XX веке. В 2 т. М., 1997; *Леонов Н.С.* Крестный путь России. М., 2002.

¹⁴ *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова.* М., 1999. С. 21.

¹⁵ Такое конвенциональное определение содержится, например, в учебном тексте «Российская цивилизация» (см.: *Российская цивилизация: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. М.П. Мчедлова.* М., 2003. С. 563).

¹⁶ *История России с древнейших времен до конца XX в.: Учебное пособие для вузов.* В 3 т. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. Т. 1. М., 2000. С. 77–78, 82, 85.

¹⁷ *Российская цивилизация: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. М.П. Мчедлова.* С. 563–564.

¹⁸ *Троицкий Е.С.* Русская этнополитология: Учебное пособие для вузов: В 3 т. М., 2001–2003. Т. 2. С. 324–325; Т.3. С. 221–227.

¹⁹ *Халмогоров Е.* Азбука национализма // www.specnaz.ru/pozicii 2003. № 4–5.

²⁰ *Ципко А.* // www.specnaz.ru/pozicii/

²¹ *Шаповалов В.* Россияведение: Учебное пособие для вузов. М., 2001. С. 41, 46. Апологию рус-

ской души и русской ментальности можно найти практически в каждом учебном тексте независимо от идеологической ориентации их авторов. См., например: *История России: Учебное пособие для самостоятельной работы* / Под ред. Л.И. Семенниковой. 5 изд. М., 2004. С. 22–23; *Троицкий Е.С.* Указ. соч. Т. 3. Гл. 17.

²² *Новохатский С.Н.* Культурный этнотерроризм // Русский дом. 2004. № 10. С. 39.

²³ *Ципко А.* // www.spcnaz.ru/pozicii/

²⁴ *Холмогоров Е.* Указ. соч..

²⁵ *Горбунов А.* Сплочение и возрождение // Русский дом. 2005. № 7. С. 26–27.

²⁶ *Савельев А.* Условия нашей победы // Русский дом. 2001. № 5. С. 9; *Он же.* Условия победы русского мира в грядущих войнах // Русский дом. 2001. № 8. С. 44–45.

²⁷ *Дугин А.* Философия войны. М., 2004.

²⁸ *Горбунов А.* Указ. соч.

²⁹ *Троицкий Е.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 214–217.

³⁰ *Отечественноеведение: Учебник для старших классов.* М., 2004. С. 251.

³¹ *История России: Учебное пособие для самостоятельной работы.* С. 78–80.

³² Интервью с Александром Погорельским, председателем правления фонда «Территория будущего» // <http://www.prognosis.ru/29.06.2004>.

³³ См., например, мнение Марка Сандомирского, который считает возможным «от национализма этнического, провоцирующе-

го в обществе кризис вследствие столкновения узких интересов разных этнических групп, перейти к “национализму государственному”, способствующему консолидации этого самого общества вокруг идеи общегосударственного выживания» (*Новая газета.* 2004. 11–13 окт. № 75).

³⁴ *Маркедонов С.* Последний шанс либералов // www.prognosis.ru/05.03.2005.

³⁵ *Верховский А.М., Михайловский Е.В., Прибыловский В.В.* Указ. соч.; *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность; *Митрофанова А.В.* Политизация «православного мира». М., 2004; *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. М., 2002; *Паин Э.А.* Между империей и нацией; *Расизм в языке социальных наук* / Под ред. В. Воронкова и др. СПб., 2002; *Русские: Этносоциологические очерки; Социальные неравенства этнических групп: Представления и реальность; Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной социологии. М., 2003; *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм: Восточноевропейский ареал. М., 1998.

³⁶ См., например, составленный аналитиками «Панорамы» полный перечень и обзор программных документов организаций и движений, которые позиционировали себя как национал-патриоты на выборах в Государственную думу в 1999 году: <http://www.panorama.ru/works/patr/>